

УДК 330.342.2:001

Л. П. КУРАКОВ,

доктор экономических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

С. М. ПЯСТОЛОВ,

доктор экономических наук, профессор

*Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям,
г. Москва, Россия*

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Цель: определение основных тенденций развития политики в области научных исследований и инноваций в европейских странах.

Методы: экономико-статистические и абстрактно-логические.

Результаты: раскрыты тенденции формирования политики в области научных исследований и инноваций, прежде всего, в странах Европы. Проведено сравнение основных параметров мировых инновационных систем и на основе этого выявлены значительные расхождения траекторий развития стран Европы, группы развивающихся стран и России. При рассмотрении становления общеевропейской организации поддержки науки и инноваций отмечены факторы, определяющие устойчивые взаимодействия ученых и распространение знаний.

Научная новизна: анализ структуры и объема расходов на исследования и разработки в странах с различными уровнями доходов на душу населения; выявление траекторий развития инновационных систем в странах Европы и России.

Практическая значимость: возможность учета результатов анализа становления инновационных систем в европейских странах при разработке национальной инновационной политики.

Ключевые слова: параметры мировых инновационных систем; политическая экономия ИР; пространство исследований.

Введение

Как показало исследование источников в сфере научных исследований и инноваций [2; 4], понятие стратегического управления инновационными системами в настоящее время практически соответствует понятию политики в области научных исследований и инноваций. Обозначения областей научных исследований с течением времени менялись, и к началу 1990 гг. стало очевидно, что термин «политика» не вполне адекватен области исследований, так как многие ученые, работавшие в этой области, сосредотачивались больше на экономических отношениях в сфере технологий и инноваций, а также на управлении исследованиями и разработками. Недавно сформированное научное направление, получившее наименование «политическая экономия ИР¹», фокусирует ис-

следования на «конкурентных преимуществах» стран и принимает во внимание в первую очередь структурные экономические показатели, такие как промышленное производство и рост занятости, соотнося их с положительными эффектами инновационной деятельности.

В то же время целеполагание политической экономии ИР определяется видом функции социального благосостояния стран, которая описывает общественные приоритеты (например, транспорт, медицина, защита окружающей среды и т. д.) и структуру базовых отраслей промышленности. Исследования в рамках новой дисциплины, в частности, показывают, что в странах с различными уровнями доходов на душу населения наблюдаются различия в структуре и объемах расходов на исследования и разработки [1]:

1) объем частных расходов на ИР (как % ВВП) в странах с высокими доходами на душу населения (1,39 %) больше, чем объем общественных

¹ ИР = исследования и разработки. В англоязычных источниках – R&D.

расходов (0,70 %); отношение ИР/ВВП составляет почти 2,09 %;

2) в странах со средними доходами частные и общественные расходы на исследования и разработки практически равны (0,44 % и 0,42 %). Средний показатель ИР/ВВП составляет приблизительно 0,86 %;

3) в странах с низкими доходами на душу населения объем общественных расходов на ИР (0,39 % от ВВП) больше, чем частных (0,25 % от ВВП), вероятно, потому что структура промышленного сектора недостаточно сильна для поддержки высоких частных расходов на ИР.

Большая часть решений о расходах на ИР, как показывает национальное исследование в США [1], принимается на промышленных предприятиях. Таким образом, соответствующие процессы целеполагания не находятся в зоне прямого государственного контроля. Бюджеты американских предприятий формируют примерно 62 % всех фондов исследований и разработок. В Европе этот показатель равен 54 %, но имеется разброс показателей (от 45 % в Великобритании до 70 % в Германии). В Китае, Сингапуре, Тайване финансирование предприятий как доля общих расходов на ИР колеблется от 60 % и выше. Но правительственные чиновники контролируют инновационную активность по отношению ИР/ВВП.

В Китае значение данного показателя с 1996 по 2009 гг. выросло почти в три раза от 0,6 до 1,7 %, и это произошло в период, когда валовой внутренний продукт Китая рос на 12 % ежегодно. Расходы Китая на исследования и разработки в 2010 г. составили 141 млрд долл. по паритету покупательной способности, это составило больше 12 % от всех расходов на исследования и разработки в мире.

Рассматривая факты инновационного развития Японии, Китая, Южной Кореи и ряда других развивающихся стран, следует отметить, что в этих странах на протяжении 1996–2007 гг. темпы роста ИР были выше, чем в зрелых знание-интенсивных экономиках. В ЕС, США и Японии рост расходов на ИР менялся в диапазоне от 5,4 до 5,8 %, в то время как в Южной Корее этот показатель находился на уровне 12 %, а в Сингапуре и Тайване в пределах 9,5–10,5 %.

Политическое руководство Европы не желает мириться с таким положением. В докладе об

Инновационном союзе 2011 [4] заявлено, что Европа должна стать «Инновационным союзом», в котором инновационные фирмы создадут новые высококонкурентные рабочие места, инновации предложат решения, отвечающие сегодняшним потребностям общества. Эта организационная инициатива призвана обеспечить повышение конкурентоспособности экономики (необходимо преодолеть инновационный разрыв в регионах Европы), решение части социальных и культурных проблем (требуется сфокусировать исследования на общественных проблемах).

В рамках исполнения программы ЕС была разработана система мониторинга с трехуровневой структурой. На первом уровне оцениваются достижения по основным направлениям «Европейской стратегии 2020» (в частности, замеряются доли государственных и частных вложений в ИР как процент от ВВП); на этом этапе оценивается соответствие развития выбранному направлению; на втором уровне инструментом оценки служит таблица показателей деятельности «Инновационного союза» (Innovation Union Scoreboard – IUS) [5], опубликованная впервые в начале 2011 г.; она ежегодно обновляется и предоставляет данные по 25 основным показателям инновационной деятельности стран ЕС; третий уровень закрывается аналитическим стратегическим отчетом, который представляется каждые два года.

На данный момент сохраняется и расширяется разрыв между ЕС и основными его мировыми конкурентами, прежде всего, из-за недостаточного вклада бизнеса в исследования и разработки. Так, в 2000–2007 гг., несмотря на общий рост ВВП, в ЕС наблюдалось замедление интенсивности ИР; с 2007 по 2009 г. этот показатель немного вырос: с 1,85 до 2,01 %. Это можно объяснить положительным влиянием экономических реформ, начатых после принятия Лиссабонской конвенции в 2005 г. Интенсивность ИР выросла в 24 странах-членах ЕС в 2000–2009 гг. (особенно в 2006–2009 гг.), хотя ряд стран в 2010 г. так и не достигли намеченных в 2005 г. целей.

Другим предметом беспокойства руководства ЕС является то, что значительная часть инновационных работ выводится за пределы Европы: в 2008 г. на ЕС приходилось 24 % мировых затрат на ИР, тогда как в 1995 г. было 29 %. Наиболее заметно отставание в частном секторе: как от-

ношение к ВВП затраты бизнеса на ИР в Японии или Южной Корее в 2 раза больше, чем в Европе. В Китае затраты бизнеса на ИР составили в 2008 г. 1,12 % от ВВП, при этом с 2000 г. они росли в 30 раз быстрее, чем в ЕС.

Динамика кадрового обеспечения сферы науки и техники позволяет европейцам надеяться на лучшее. Ежегодно ЕС выпускает 940 тыс. специалистов с дипломами третичного уровня в области НТ (в период с 2000 по 2008 г. количество степеней, присуждаемых в странах ЕС, каждый год растет на 4,9 %). Ежегодно в Европе 111 тыс. человек получают докторские степени – это в 2 раза больше, чем в США. Однако ЕС в 2,5 раза меньше по сравнению с США инвестирует в высшее образование, здесь очень низкая доля частных инвестиций в высшее образование. Таким образом, экономический эффект в деле подготовки специалиста в США оказывается выше (если считать по удельным расходам). Настоящий прорыв сделал Китай в 2009 г.: к обучению приступили более 6 млн аспирантов, в ЕС – около 3 млн, в США – 2,5 млн человек. С сожалением отметим, что в России данный показатель не превышает 0,2 млн человек.

Становление Европейской практики научно-технического развития

Европа, по мнению основателей направления, принятого ЕС, должна двигаться по пути технологического развития в контексте все более и более конкурентоспособного мира. Однако другие эксперты высказывают опасение в связи с тем, что текущий дискурс европейской инновационной тематики основан на неявном определении инноваций исключительно как средства обеспечения поставок продуктов или услуг на рынок [2; 7].

В связи с этим полезно обратиться к истории становления современной системы управления европейской наукой. Процесс организации науки на европейском уровне представлен под лозунгом «европеизации» исследований. Кроме того, решение создать панъевропейское агентство финансирования «пограничных» исследований может интерпретироваться многими способами. Например, это обсуждалось и как часть намного более широких проектов дальнейшей интеграции исследований. Точно так же это может рассматриваться в рамках достижения Лиссабонской

повестки дня, нацеленной на преобразование Европейского Союза в «самую конкурентоспособную и динамичную экономику, основанную на знаниях, в мире» [4].

Уже в 1950-е гг., вскоре после окончания Второй войны, научные элиты некоторых сообществ знаний в Европе стали предпринимать усилия для расширения национальных исследовательских пространств. Они, по существу, стремились к учреждению общеевропейской системы финансирования науки в целях поддержки фундаментальных исследований и к формированию принципов, подобных тем, на которых был ранее основан Национальный научный фонд в США.

По сути, это была попытка импортировать институты управления научными исследованиями из США без учета местного контекста. В то время процесс создания организации на Европейском уровне был ограничен слабостью европейских институтов, стремлениями отдельных стран к национальной автономии, что, в том числе, включало ускоренное создание национальных исследовательских пространств, которые слабо соотносились между собой. Очевидно, присутствовали и более широкие факторы, такие как низкий уровень развития рынка, включая рынки труда, слабую интеграцию. Пока Европа намеревалась создавать «не имеющий гражданства рынок», принимать во внимание «не имеющую гражданства науку» было слишком много для того времени [6, р. 224].

Тем не менее в течение следующих нескольких десятилетий организации европейского уровня появились в таких областях, как ядерные исследования и молекулярная биология. Например, в 1952 г. была создана ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям) и позднее в 1957 г. появился ЕВРОАТОМ, что ознаменовало важную веху в формировании Европейского экономического сообщества. ЦЕРН как проект был поддержан группой авторитетных физиков, которые обеспечивали его лоббирование в правительствах европейских стран. Заметим, что первая общеевропейская научная организация появилась в специфической области исследования, которая требует координации сотрудничества на наднациональном уровне, дорогого оборудования и принятия международных стандартов его эксплуатации и обеспечения безопасности. Кроме

того, в то время область ядерной физики характеризовалась интенсивной конкуренцией с США.

В 1964 г. была создана общеевропейская Организация молекулярной биологии, а позднее, в 1974 г. была учреждена европейская биологическая лаборатория.

Вообще, этот начальный период создания общеевропейских организаций характеризуется влиянием организованных элит в отдельных научных областях, которые сумели оказать свое влияние на уровне высоких политических кругов. Эти элиты действовали как «лидеры изменений». Не было, однако, «активистов перемен» ввиду слабого развития европейских учреждений и институтов, недостаточной поддержки на национальных уровнях.

Европейская организация сотрудничества в научно-технических исследованиях была создана в 1971 г., а Европейский научный фонд (далее – ЕНФ) – в 1974 г. Эти организации поддерживают множество различных направлений исследований, в числе которых и общественные науки. При этом они структурированы таким образом, что обеспечивают базу для интернационального сотрудничества отдельных исследователей, но не поддерживают саму науку на европейском уровне, т. е. они лишь помогают в организации международных встреч или, как в случае ЕНФ, координируют национальные программы исследований, организовывая международную экспертную оценку, но не имеют собственных фондов.

ЕНФ был создан как часть крупномасштабной программы для того, чтобы вывести финансирование исследования и поддержку науки на европейском уровне. ЕНФ идеологически связан с понятием European Research Area (Европейская область исследования), которое устанавливает стратегическую цель преодоления «вредной» фрагментации науки в Европе и достижения «лучшей организации европейской научно-исследовательской работы» согласно условиям развития европейского исследовательского пространства, которая становилась более динамичной конфигурацией, чем структура «15 +1» [6, р. 220]. Эта программа включала и другие механизмы финансирования, такие как «ERANets», Технологические платформы и Networks of Excellence (Сети совершенствования).

Необходимость общеевропейской организации поддержки науки и инноваций эксперты

объясняют тем, что «пространственный диапазон положительных эффектов потоков знаний» изменяется существенно в зависимости от институционального контекста, так же как и от особенностей технологической области. В частности, организационные границы могут прерывать потоки знаний. Такие границы очевидны между государственными исследовательскими организациями и частными компаниями, но они также существуют и между компаниями. Разнообразие знания может также объяснить некоторые феномены неравномерности его прохождения через пространство. Например, в зависимости от специализации и степени развития отрасли промышленности, разделение воплощенного знания может препятствовать потокам знаний [3, р. 197]. Данные наблюдений свидетельствуют в том числе о том, что распространение неявного знания, которое является обязательным атрибутом любого исследования, его абсорбция требуют большего, чем просто географической близости.

Значимость институционального контекста также ставится на первый план учеными, исследующими так называемые краевые эффекты [3, р. 198]. В пределах ЕС административная фрагментация чаще всего препятствует избыткам знаний. Интенсивность потоков знания уменьшается значительно по мере преодоления границ стран, даже когда эти страны или регионы соседствуют. Таким образом, в результате подобных рассуждений продолжали появляться различные программы исследований в ЕС. Однако правительства все еще ревниво охраняли свой суверенитет и были настроены против дальнейшего расширения роли ЕС в области науки и техники. Таким образом, все программы первоначально должны были быть одобрены Советом Европейского парламента и только затем они могли быть запущены. Способом обойти это условие стало учреждение в 1983 г. «рамочной программы», которая в технологических областях объединила все исследовательские программы.

Это могло случиться благодаря развитию промышленности и формированию европейской политической элиты. Национальная поддержка, однако, оставалась относительно низкой, что отражалось на типах координации, с одной стороны, и на принятых принципах субсидиарности – с другой.

Особого внимания заслуживает история учреждения Европейского Научного совета (далее – ЕНС) в период между 2002 и 2004 гг.: в конце 2004 г. было решено включить программу IDEAS в предложения по 7-ой рамочной программе ЕС, а ЕНС назначить официальным исполнителем. Это предложение, принятое в апреле 2005 г., обозначило изменение миссии, функций и управления ЕНС.

Эксперты особо отмечают участие в процессе тогдашнего генерального директора Европейской лаборатории микробиологии, проф. Ф. Кэфэто, и Х. М. Гаго – физика, ставшего политическим деятелем. В октябре 2003 г. тогдашнему европейскому специальному уполномоченному по научным исследованиям Ф. Баскену было представлено открытое письмо в поддержку учреждения ERC, подписанное 45-ю европейскими Нобелевскими лауреатами. Кроме того, представители 52 научных организаций Европы всех областей исследования подписали письмо, давшее старт Инициативе по развитию европейской науки.

Ученые подчеркивают, что, начиная с утверждения Маршалла, принято считать, что пространственная разделенность ослабляет устойчивые взаимодействия и распространение знаний. Позже, экономическая география и эндогенные модели роста объясняли различия в региональных особенностях экономического развития роста географически обусловленной спецификой внешних эффектов знаний, ростом отклонений и ограничений экономического роста.

Базируясь в том числе и на этих тезисах, европейская политика формировалась на «принципах субсидиарности» (подтвержденных в Маастрихтском Соглашении 1992 г.), что означает, что ЕС мог действовать только в тех случаях, когда действий отдельных стран было недостаточно. Это привело к формированию понятия европейской добавленной стоимости в исследованиях следующим образом: «До сих пор европейская добавленная стоимость была определена как сотрудничество исследовательских групп в разных странах. Теперь пора привести новое определение добавленной стоимости, которое включает принцип разрешения исследователям в любом европейском государстве конкурировать со всеми другими исследователями на основе превосходства. Соревнование, чтобы достигнуть реального превосходства в исследовании, должно стать ос-

новной частью нового, передового определения европейской добавленной стоимости» [3, р. 225].

Стоит упомянуть также проблемы с принятием условий сотрудничества с ЕНФ и особенности обсуждений в Великобритании, Италии, Испании, Франции, Голландии. Так, в Великобритании ученые боялись, что их зрелая институционализированная система будет размыва создаваемым научным советом на уровне Европы. «Положение британского политического истеблишмента будет лучше понято в контексте более общего скептицизма ко всему европейскому, и, более определенно, неверие в способности Комиссии избавить себя от бюрократии» [6, р. 227–228].

Другой пример являет Франция, которая, вместо того, чтобы выступить против учреждения ЕНФ, использовала дебаты для учреждения своего собственного научного совета. В начале 2007 г. было создано французское Национальное агентство исследований, что усилило проектный принцип распределения финансирования исследований. Также во всех странах существенно изменилась система финансирования научных исследований. Положение национальных агентств по финансированию после учреждения ЕНФ, вероятно, лучше всего отражено в меморандуме Глав организаций исследований Европейского союза научных советов (European Union Research Organisations Heads of Research Councils–EUROHORCs) [6].

В целом, процессы организации поддержки науки на европейском уровне следует интерпретировать как последовательность попыток облегчить врожденную напряженность между «областями исследований» и ограничивающими в этом случае «национальными пространствами исследований». Движущей силой этих процессов была научная элита или элиты. Эти элиты чувствовали себя ограниченными рамками национальных пространств исследований и имели силу влиять на восприятие этого положения политиками.

Есть одно известное исключение – рамочные программы (Framework Programmes), которые продвигаются промышленностью и назревающими европейскими политическими элитами; все другие организационные структуры продвигались научными и академическими элитами. Действительно, «Ресурсно эффективная Европа» является одной из семи ведущих инициатив, составляющих Стратегию 2020 ЕС. Следовательно,

эффективность использования ресурсов – область особого внимания с точки зрения инноваций в структуре семи программ ЕС (и ее преемника – «Рамочной программы развития исследований и инноваций до 2020 г.»).

Также отмечается, что в расширении национальных исследовательских пространств на европейском уровне существенную роль играют биологи. Их роль, однако, несколько отличается с точки зрения учреждения биологических лабораторий и ЕНФ. В первом случае биологи действовали как «независимая» научная элита; кроме того, они использовали свой опыт и влияние, чтобы организовать европейскую научную элиту. Это не стало неожиданностью: биологи были группой, чувствующей себя особенно ограниченной в возможностях ведения исследований, имеющей некоторый опыт европеизации и влияния в целях увлечения других и формирования политических устремлений. Эта область является международной, полагается на современное оборудование и лаборатории, которые, как правило, сконцентрированы в определенных местах. Доступ к этим лабораториям является крайне важным для успеха как отдельного ученого, так и научного коллектива.

Учреждение такой организации, как ЕНФ, стало возможным за счет мобилизации европейских научных элит, совместной работы политических организаций Европейского уровня и достижения соизмеримости национальных исследовательских пространств.

Однако существует и оппозиция данному «технологическому» подходу. Ряд экспертов считает, что во многих странах-членах ОЭСР и в Европейском союзе текущее доминирующее видение инноваций удерживает нас в технологическом и в идеологическом порочном круге. Очевидно, «сегодняшние экономические, социальные и экологические кризисы не будут решены большим количеством того же самого, что уже привело к такому положению» [7, р. 79]. Учитывая масштаб и необратимость вредных воздействий на окружающую среду и на благосостояние текущих и будущих поколений, не остается времени для самоуспокоения. В самое ближайшее время требуется изменение ориентации инноваций от рыночных к более социально значимым и экологически жизнеспособным формам инноваций, так же как необходимо принятие более широко-

го понятия инноваций, которое будет включать не только технологические инновации, но также нетехнологические, социальные, институциональные и поведенческие инновации.

Авторы данных тезисов утверждают, что окружающая среда и исследования в области здравоохранения – ключевые параметры всех форм инноваций, потому что они стимулируют изобретение технологических, поведенческих и установленных решений, обеспечивающих, в конечном счете, экологическую устойчивость – предварительное условие для устойчивого развития всех других форм инноваций [2].

Практически, это означает участвовать в «ответственных инновациях», т. е. таких инновационных процессах, где уже на ранних стадиях обеспечивается анализ потенциальных отрицательных влияний на здоровье, социум и окружающую среду всех новых продуктов, услуг и процессов. Это также влечет за собой требование минимизации негативных воздействий существующих продуктов, услуг и процессов и требует применения принципа предосторожности с тем, чтобы избежать высоких и потенциально необратимых убытков. Ответственные инновации также признают и этические дилеммы, которые могут сопровождать инновацию. Это влечет за собой способность признать ошибки и, соответственно, возможность изменить курс.

Европе не должна упустить эту историческую возможность принять ответственность за программы исследований, инновационную политику безопасного развития и призвать остальную часть мира следовать этому пути.

Рассматривая возможность применения данных политических мер в России с использованием метода аналогий, обнаруживаем, что инициативы, предпринятые Правительством РФ летом и осенью 2013 г. в отношении Российской академии наук и в отношении российской науки в целом, направлены не столько на интеграцию в глобальные области исследований, сколько на разрушение национального пространства исследований, точнее, того, что от него осталось. Здесь очевиден интерес корпораций, причем не российских, которые практически не проявляют себя в этом процессе, а транснациональных. К сожалению, голоса в поддержку интересов национальной науки слышны в России довольно слабо.

Список литературы

1. Пястолов С. М. Индикаторы науки и техники, 2012 // Реферативный журнал ИНИОН РАН, ГРНТИ 12. Сер. Науковедение. 2013. № 2. С. 82–92.

2. Пястолов С. М. Развитие теорий инновационных процессов ИР // Реферативный журнал ИНИОН РАН, ГРНТИ 12. Сер. Науковедение. 2012. № 2. С. 101–108.

3. Autant-Bernard C., Fadaïro M., Massard N. Knowledge diffusion and innovation policies within the European regions: Challenges based on recent empirical evidence // Research Policy. 2013. No. 42. Pp. 196–210.

4. URL: <http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/competitiveness-report/2011/iuc2011-full-report.pdf#view=fit&pagemode=none>

5. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2013_en.pdf

6. Nedeва M. Between the global and the national: Organising European science // Research Policy. 2013. No. 42. Pp. 220–230.

7. Van Den Hove S., McGlad J., Mottet P., Depledge M. H. The Innovation Union: a perfect means to confused ends? // Environmental science & policy. 2012. No. 16. Pp. 73–80.

В редакцию материал поступил 10.01.14

© Кураков Л. П., Пястолов С. М., 2014

Информация об авторах

Кураков Лев Пантелеймонович, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

Email: kurakov@mail.ru

Пястолов Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям

Адрес: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, тел.: (499) 128-88-81

E-mail: lbs-piast@mail.ru

Как цитировать статью: Кураков Л. П., Пястолов С. М. Вопросы политической стратегии в формировании инновационных систем // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 123–130.

L. P. KURAKOV,

Doctor of Economics, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

S. M. PYASTOLOV,

Doctor of Economics, Professor

Center of scientific-informational research on science, education and technologies (Moscow), Russia

ISSUES OF POLITICAL STRATEGY IN FORMING INNOVATIVE SYSTEMS

Objective: to determine the main trends of development of policy in the sphere of scientific research and innovations in European countries.

Methods: economic-statistical and abstract-logical.

Results: the trends of development of policy in the sphere of scientific research and innovations in European countries are shown. Comparative analysis of the main parameters of world innovative systems is made; significant differences in trajectories of Russia's, European and developing countries' development are revealed. While researching the formation of the common European organization of for science and innovations support, the authors state the factors determining the stable interaction between researchers and distributing knowledge.

Scientific novelty: analysis of the structure and volume of expenses for research and innovations in countries with various levels of per capita income; determining the trajectories of innovative systems development in Russia and Europe.

Practical value: possibility to use the results of analysis of the innovative systems forming in European countries for designing the national innovative policy.

Key words: parameters of the world innovative systems; political economy of IR; space of research.

References

1. Pyastolov, S. M. Indicators of science and technology, 2012. *Referativnyi zhurnal INION RAN, GRNTI 12*, Ser. Naukovedenie, 2013, no. 2, pp. 82–92 (in Russ.).
2. Pyastolov, S. M. Developing the theories of innovative processes of IR. *Referativnyi zhurnal INION RAN, GRNTI 12*, Ser. Naukovedenie, 2012, no. 2, pp. 101–108 (in Russ.).
3. Autant-Bernard, C., Fadaïro, M., Massard, N. Knowledge diffusion and innovation policies within the European regions: Challenges based on recent empirical evidence. *Research Policy*, 2013, no. 42, pp. 196–210.
4. <http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/competitiveness-report/2011/iuc2011-full-report.pdf#view=fit&pagemode=none>
5. http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2013_en.pdf
6. Nedeва, M. Between the global and the national: Organising European science. *Research Policy*, 2013, no. 42, pp. 220–230.
7. Van Den Hove S., McGlad J., Mottet P., Depledge M. H. The Innovation Union: a perfect means to confused ends? *Environmental science & policy*, 2012, no. 16, pp. 73–80.

Received 10.01.14

Information about the author

Kurakov Lev Panteleymonovich, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
Email: kurakov@mail.ru

Pyastolov Sergey Mikhailovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Center of Scientific-Informational Research on Science, Education and Technologies
Address: 51/21 Nakhimovskiy Prospekt, 117997 Moscow, tel.: (499) 128-88-81
E-mail: Ibs-piast@mail.ru

How to cite the article: Kurakov L. P., Pyastolov S. M. Issues of political strategy in forming innovative systems. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 123–130.

© Kurakov L. P., Pyastolov S. M., 2014

Лики успеха (серия: Секреты развития) / О. В. Григорьева, Е. Л. Яковлева, М. А. Зайченко, Г. В. Юсупова, А. А. Кабирова; под ред. О. В. Григорьевой, Е. Л. Яковлевой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права,

В монографии излагаются современные взгляды на феномен успеха. Авторы на основе анализа научных данных и результатов собственных исследований показали значение успеха в жизни и развитии человека. Разграничены такие понятия как успех, успешность, удача и т. п. Авторы с различных позиций (с точки зрения философии, психологии, психофизиологии) осуществили попытку найти ответы на вопросы: «Что такое успех и каковы его составляющие?», «Как прийти к успеху, и каким образом можно оказаться успешным?», «Какие факторы (психические, физические, интеллектуальные, социальные) способствуют достижению успеха?», «Существуют ли рецепты успеха и успешного человека?», «Всегда ли успех несет в себе позитивные последствия?».

Рассчитана на специалистов в области философии, психологии и педагогики, физиологии, медицины; а также адресована всем, кто интересуется вопросами гармоничного развития человека. Может быть рекомендована в качестве дополнительного учебного источника по дисциплинам: культурология, философия, психология, психофизиология и дифференциальная психология.